

Олег Теплоухов

Ирюм

Раскол за Уралом

18+

Олег Теплоухов

Ирюм

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Теплоухов О.

Ирюм / О. Теплоухов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Упрямые двоедане, гордые церковные иерархи, лихие солдаты, хитрые сановники, мудрые скитники, — история сибирского раскола замешана на людях-глыбах. Какой ценой судьба дает искупить грех? Как простой деревенский парень стал выше сибирского митрополита? Где искать правды, когда Господь молчит в ответ на молитвы?

Содержание

Год 7258-ой от сотворения мира	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Олег Теплоухов

Ирюм

Год 7258-ой от сотворения мира

Глава 1

Дед Макар стоял перед образами и тшился настроиться на молитвенный лад. Он только что совершил семипоклонный начал и должен был перейти к молитве, но мысль его блуждала где-то далеко. С самого утра на душе у Макара было беспокойно: работа не спорилась, голова шла кругом, а язык так особачился, что за день не по разу досталось всем домашним.

Макар принялся устало перебирать в голове, что могло пойти худом: по хозяйству все сроблено; жена давно почивает, вот слышен ее мерный храп; ребяшня засиделась на вечёрках – так это не диво; дочурки накормлены, поцелованы и спать отправлены – все ладно. Только вот старшая дочь, Малашка, уж который день ходит, как туча. Да что с молодой девки взять? Поди, забила себе в башку не весть что, вот и хмурится – на то она и девка.

Старик со вздохом перекрестился на иконы, задул свечу и прислушался. Над Ирюмом зачиналась крепкая январская ночь. Собака давно притихла, лунный свет пробивался сквозь подернутое морозным узором окно горницы, от печи по избе разбредалось уютное тепло. Макар осторожно перешел на женскую половину дома, отдернул занавеску и заглянул к дочерям: девки спали в обнимку, разбросав на белом белье пышные волосы. Малашка прижала к себе младшую сестру, как любимую куклу, и чуть разомкнула губы, обнажив жемчужные зубы. Золотые волосы Малаши струились, как колосья пшеницы; лоб подпирали смоляные брови; чуть вздернутый носик придавал бы лицу кроткое и вопросительное выражение, если бы не бездонные синие глаза, сейчас скрытые за усталыми веками.

Макар в очередной раз подивился красоте Малашки: пошто Господь послал такое сокровище и как его сберечь? Видать, то испытание Божие – ангельскую чистоту сохранить и передать в добрые руки. Да разве по нашему Ирюму найдешь достойного мужика? Куда там. Такую царевну надо за князя выдавать, не меньше. С её-то ручонками только к мужу ласкаться, а не в поле спину корячить. Макар уж давно сговорился: Малашка поедет в Тюмень за купецкого сына и за богатый калым. Не на шиш же такое сокровище менять. Ирюмские девки завсегда по Сибири ценились – заядлые на веру, да на хозяйство – а уж Малашка еще и ликом ангельским отмечена. Такую красоту соседям отдавать – только грех один выйдет.

С отеческими думами Макар подошел к окну, не запертому ставнями, подышал на брюшину, аккуратно потер ее мозолистой ладонью и посмотрел на двор. Снег блестел и переливался драгоценными камнями под лунным светом, собака по кличке Татарин от холода забила в конуру и спрятала морду под хвост, коровушка Марта топталась в конюшне, потирая бока о бревна. Деревня спала, готовясь встретить новый день. Макар вновь вздохнул, почесал седую голову и полез на любимую печь. Развалившись на теплых кирпичках, старик потянул на себя лоскутное одеяло, шитое заботливой рукой жены, и провалился в сон.

В это время по улице неспешно брел молодой плечистый мужик, скособочив на затылок меховую шапку. Напротив избы Макара он остановился, посмотрел по сторонам, достал из-за пазухи мясистую свиную кость и подошел к воротам. Старый Татарин запоздало зазвенел цепью и высунул морду на мороз, принюхиваясь. Тут же перед его носом в снег упала жирная кость, и пес от неожиданности взвизгнул. Нос ясно чувствовал запах чужака, совсем близкого. Но кость лежала еще ближе и Татарин, забыв себя, хозяина и пёсий долг, жадно вцепился в нее голодными зубами. Чужак, услышав, как заработали челюсти собаки, довольно ухмыльнулся и погладил себя по могучей груди. Пока все шло по плану, и сегодня он, Демьян, заберет первую ирюмскую красавицу Малашку убёгом и сделает её своей женой.

Демьян снова вернулся на дорогу, махнул кому-то вдалеке шапкой и стал ждать. Вскоре из темноты показалась пестрая кобыла, запряженная в сани, где сидели два мужика – старшие братья Демьяна. Поравнявшись с домом Макара они спешили и, не сговариваясь, вытащили из-под сена веревку, один конец которой был прочно привязан к полозьям саней, а другой завершался железным крюком. Лошадь перетаптывалась на морозе и скрипела хомутом. Демьян ухватил веревку и подошел к центральному окошку дома. Осмотрев запертые ставни, он пробормотал Иисову молитву, перекрестился и сдернул ржавый крючок, державший ставни. Затем он неспешно отворил створки и снова прислушался. Ночная тишина резала слух: слышно было лишь, как бешено стучит о ребра сердце. Демьян неприятно изумился своей несмелости, перехватил покрепче крюк и проткнул острым концом брюшину окна, зацепившись за раму. Потом он прыгнул в сани к братьям, схватил нагайку и от души стеганул по крупу кобылы. Лошадь встала на дыбы, ударила копытами в снег и понесла. Через мгновение веревка выпрямилась в тетиву, крюк вцепился в сосновую раму окна и вырвал его с мясом.

Сердце Макара ёкнуло. Он вскочил на печи, ударившись головой об потолок. Грохот вырванного окна, лай озверевшей собаки, топот копыт – разом обрушились на старика. Трясущимися руками он отбросил одеяло, сорвал занавеску и полез с печи, расбросав по полу сушившиеся на печи валенки. Ноги не слушались Макара, и он, споткнувшись о порог, вывалился в светлицу. В этот момент его старшая дочь – красавица Малашка – нырнула через развороченное окно в черную зимнюю ночь.

Малашка и Демьян встретились на рождественной ярмарке в Кирсаново. На большой торг съехалась вся округа: двоеданы с Ильино, Яутлы, Самохвалово и других ирюмских деревень; заезжали православные с Рафайлово и Исетского. Ярмарка шла три дня: торговали орехом, маслом, медом, пряником – словом, чем Бог послал. Пока мужики и бабы сбывали свое добро, молодежь веселилась, катаясь на санях и водя хороводы. Хоть девки в расколе всегда блюли себя честно и спуску парням не давали, да сердцу молодому никто не указ – на кирсановской ярмарке не одна свадьба зачиналась. Так и Малашка с Демьяном: сперва только косились тайком друг на друга, потом ходили под ручки и толкались плечами, да так и полюбились твердо. Демьян слыл парнем бойким и на дело скорым. Спросил Малашку прямо в лоб: пойдем за меня, красавица? Малашка тоже оказалась девкой не робкой – согласилась сразу и без раздумья; хоть и знала, что отец давно сосватал её за другого. Благословения родительского ждать не приходилось – порешили сыграть свадьбу убегом.

Приехав с ярмарки домой в Ильино, всегда веселая Малаша вдруг сразу подурнела, что и заметил чуткий Макар. Румяное личико девицы потемнело и осунулось, синие глаза сделались тусклыми – то была уже не девка, а женщина, готовая покинуть родной дом без отцовского дозволения. С вечера Малашка истово молилась Богородице, чтобы выпросить прощение греха пред родителями. Затем она уложила младшую сестру, благословилась у отца и легла в постель. Когда все уснули, Малашка неспешно встала, мышкой проскользнула к сундуку и достала заранее приготовленную одежду. Переделалась, села под окном и стала ждать своего суженого, обещавшего ей новую жизнь.

Чего только не передумала за это время Малаша. Хоть свадьбы убегом не были редкостью на Ирюме, она до последнего верила, что выйдет замуж добром. Осенью ей минуло девятнадцать годов, а жених все не появлялся. Гордый Макар искал Малашке пару слишком далеко и слишком требовательно. Пройдет год и она станет пересидкой, кто ее потом замуж возьмет? Бабки сказывали, как пересижанных девок сажали на сани и возили по всем ирюмским деревням, пока какой-нибудь мужик, вдовец или просто с кривым от оспы лицом, не снисходил перед девичим горем и не брал ее к себе. Тогда обходились даже без законной свадьбы, сходились и жили вместе, как в блюде. Малаша ни с кем не говорила о своих переживаниях, но ни

на миг не забывала о них. Когда она встретила на ярмарке Демьяна, парня знатного и баского, то сразу поняла, что он послан ей Богом.

Как бы Малаше ни хотелось замуж, но дом родной покидать было совсем тяжело. С такими думами она сидела у окна и тихонько лила слезы, как вдруг с улицы потянуло холодом – это Демьян зацепил веревку за оконную раму. Сердце у Малашки сжалось и замерло. На мгновение она задумала броситься к бабушке в ноги и покаяться в своем грехе, но тотчас взяла себя в руки и потуже завязала на шее теплую козью шаль. Когда окошко с треском вылетело из косяка, Малаша поклонилась образам и смело прыгнула в темноту. Приземлилась она неловко и упала в сугроб, застудив руки снегом. Холодный воздух свободы ударил в девичье лицо. Тут к ней подскочил Демьян, легко вскинул ее на плечо и перенес в сани. Затем он размашисто раскрутил нагайку, стеганул лошадь по хребту и крикнул:

–

Но, пошла, родимая! Домой! – его могучий голос громом прокатился по деревне и разом пробудил всех собак.

Лошадь уносила Малашу прочь из родной деревни. Девушка вдруг отчетливо осознала всю шаткость своего нынешнего положения. Она уже не любимая дочь, но все еще не чья-то жена. Она мчится в санях по накатанной зимней дороге, словно зависнув над пропастью между старой и новой жизнью. Если посудить, она толком не успела узнать Демьяна. Какой он? Вот он накрыл ее своим тулупом и крепко прижал к могучей груди. От него пахнет сеном, потом, мужчиной – пахнет чужим. Малашка крепче прижалась к будущему мужу и тихонько заплакала.

Демьян не жалел кобылу и гнал ее во весь опор. Нужно было торопиться, ведь за ними обязательно организуют погоню. От Ильино до его родных Дворцов было верст двадцать. Значит, с полпути придется отбиваться от ильинских мужиков. У Малашки было два младших брата – они обязаны организовать погоню и вернуть беглянку. Потерять такую красавицу, как Малаша, позволить ей уйти в другую деревню, стало бы позором для всей Ильинки. Демьян с удовольствием отметил, что они успели без погони покрыть верст пять-шесть.

Тем временем, деревня беглянки наконец пробудилась. Когда Макар увидел, как его любимая дочь бросается в темноту январской ночи, он как будто потерял рассудок. Агафья, жена Макара, смогла привести мужа в чувства, только облив ушатом студеной воды. Тут в избу ворвались сыновья – Захар и Кузьма. Они бросились к батю и пали ему в ноги с покаянием. Весть о победе Малаши уже облетела всю деревню, и братья ясно ощущали свою вину в пропаже старшей сестры.

Макар смотрел на детей пустыми глазами и, казалось, не узнавал их. Потом он убрал со лба мокрые волосы, разорвал рубаху на раскаленной груди и прохрипел:

–

Кузя, Захарка, седлайте коней. Без Малашки домой вам ходу нет.

Сыновья поклонились отцу и, сшибая друг друга, бросились в конюшню. Второпях натянув сбрую на лошадей, они поскакали нагонять беглянку.

Ночь уже набрала силу и желтый блин Луны щедро осветил дорогу. Братья гнали коней во весь опор, заткнув за пояс топоры. Мимо проплывали сонные берёзы, согнувшиеся под шапками снега. Морозный воздух и предвкушение близкого приключения будоражили кровь Захара и Кузьмы. Вскоре показались сани беглецов. Захар первым заметил врага и издал победный клич.

Малашка, завидев братьев, забралась с головой под тулуп. Демьян, невозмутимо продолжая управлять лошадей, подал глазами многозначительный знак своим сообщникам. Один

из них выкопал из-под сена веревку, перехватил ее на три локтя ниже крюка, размахнулся и запустил прямиком в приближающегося Захара. Малаша вскрикнула: ее брат с трудом сумел увернуться от летящего в него ржавого крюка. Вережка обвила ногу лошади и чуть не завалила ее. Захар осадил коня, распутал веревку и дождался брата. Поразмыслив, они решили обойти беглецов сбоку.

К этому времени процессия вывалилась на широкий берег реки Мостовки, блестящий под звездным небом. Захар ударил коня рукоятью топора в бок и прижался к его развевающейся на студеном ветру гриве. Лошади яростно выбивали снег из-под копыт и послушно несли своих всадников. Захар, держась на почтительном расстоянии от саней, прокричал:

–

Малашка, дура! А ну прыгивай в сугроб!

Голос родного брата полоснул по юному сердцу Малаши и отозвался новыми слезами. Она умоляющим взором глянула из-под тулупа на своего будущего мужа. Демьян ответил широкой улыбкой и лукаво подмигнул ей: мол, не бойсь.

Дальше дорога шла по льду реки. Отставший было Кузьма чуть срезал путь и внезапно зашел беглецам в правый бок. Он широко взмахнул топором и неловко метнул его под ноги лошади Демьяна. Топор сверкнул лезвием, воткнулся в накатанный снег и проскользнул мимо копыт коня. Захар, ошалевший от глупого поступка брата, нагнал его и с размаху врезал по шее:

–

Ума лишился? Малашку зашибить хочешь?

–

А чего она сбегать удумала? – оправдался смущенный Кузьма. – Шас мы ее поучим!

Меж тем, погоня продолжалась. Впереди показался лог, пересекающий реку. Проезжая мимо ложка, Демьян звонко присвистнул и, потянув за вожжи, остановил коня. В этот момент из кустов выскочили два всадника и атаковали преследователей с тыла. Борьба оказалась недолгой: взрослые мужики легко скрутили юнцов, отобрав топор у Захара, как игрушку у ребенка. Демьян слез с саней и обнялся со своими коренными приятелями, с которыми давеча договорился о засаде. Затем он ласково взял Малашу под руку и победно подвел ее к братьям.

–

Ну что, хлопцы, – обратился он к Захару и Кузьме – Покатались на славу! Ха-ха! Добро, что бьетесь за сестру. Вот она стоит – цела и невредима. Своей волей за меня пошла.

Демьян присел на корточки и посмотрел горящими глазами на Захара, словно заглянув тому в нутро.

–

Кажись, ты старшой. Как звать тебя? – спросил Демьян.

Захар молчал, как рыба, но его еще мальчишеское лицо откровенно выражало презрение.

–

Захарка это, – вступила в разговор Малашка – Парень он бойкий и разумный. Не обижай его, Демущка.

–

Не бойсь, не забiju, – довольно улыбнулся тот.

–

Значит так, – продолжил Демьян, – Малашу я вам не отдам. Вертайтесь домой и падайте батюшке в ноги: так мол и так, добром ушла Малаша. Без Божьей помощи не обошлось – вишь, как ладно дело вышло. Батя ваш посерчает-посерчает, да свыкнется. Не первый раз самокруткой девки замуж идут. Вы его тогда ко мне зовите, на Дворцы. Вместе на свадьбе бражничать станем!

Демьян протянул Захарке руку и помог ему подняться. Кузьма стоял возле коня, повесив голову. Братья выглядели обиженно и жалко. Малашка убежала к саням – ей стало стыдно и хотелось скорее продолжить путь. Братья уже стали для нее чужими.

Демьян крепко обнимал Малашку, шутил и лениво управлял санями. Морозный ветер убелил его бороду и рукавицы; луна разгорелась ярко, как пудовая свеча; на горизонте поднимались Дворцы. Демьян усмехнулся собственной удачливости: ему везло смолоду и всегда по-крупному. Видать, Господь его чем-то отметил. Демьян захотел взять Малашу в жены, и вот она – лежит на его груди. Главное не заскучать, подумал он – впереди свадьба.

Малаша уснула и не заметила, как лошадь вкатила в ее новую деревяню. Собаки подняли недовольный вой, растревоженные под самое утро. Демьян подъехал к дому, стоявшему на крутом берегу Мостовки. Резные ворота ограды, щедро покрытые изморозью, открылись и выпустили счастливых родителей Демьяна. Едва очнувшись ото сна Малаша спрыгнула с саней и упала им в ноги, прошептала:

–

Христос посреди нас.

–

Есть и будет, родимушка! – услышала она в ответ.

Убеленный сединами отец и покрытая ярким платком матушка крепко обняли будущую сноху и повели ее в дом.

Русские пришли на Ирюм с Руси, Урала и сибирской тайги. Сюда, где лес встречался с дикой степью, хлынули крестьяне, страдающие от закрепощения; раскольники, бежавшие от власти Антихриста; рабочие уральских заводов, не выдержавшие тяжелого заводского труда; служилые люди, остывшие к государеву делу. Щедрая и плодородная зауральская земля принимала всех без разбора.

Ирюмские староверы помнили, что семена раскола здесь посеял сам огнепальный протопоп Аввакум, три года служивший в Тобольске и навещавший на Исети твердого в отеческой вере старца Далмата. Государь, отправляя Аввакума в Сибирь, рассчитывал избавить стольный град от смуты. Великий князь не мог помыслить, что, удаляя назойливого протопопа с глаз долой, он своей рукой зажег раскол за Уралом.

Находясь в пустозерской яме, за тысячи верст от Сибири, Аввакум продолжил руководить зауральским расколом и благословил первую в русской истории гарь. Тогда в деревушке Березовка под Ялуторовском вспыхнул живой костер, в котором огненное крещение приняли тысячи христиан – мужиков, баб, чистых душою детей.

В Тобольске Аввакум сошелся с местным сыном боярским, Алексеем Венгерским. Истовая проповедь протопопа запала Алексею в душу, и вскоре он принял постриг с именем Авраамий, став послушником в полунощном Троицком монастыре. Знаменитая обитель находилась в 800 верстах от Тобольска, на реке Оби. Вскоре инока отправили в Москву по монастырским делам, откуда Авраамий вернулся ярким приверженцем древнего благочестия. За раскол монаха сослали еще дальше – в далекий туруханский монастырь на Енисей. Авраамий не погиб на чужбине и вскоре всплыл на Исети, в Кондинской заимке Троицкой обители.

Здесь Авраамий сызнова принялся обличать никоновские новины. Крестьяне с ужасом узнали, что на московском престоле и в православной церкви воцарился Антихрист. Когда на царство помазали юных царевичей Ивана и Петра, Авраамий склонил зауральских крестьян не присягать великим князьям. Тобольские воеводы снарядили карательный отряд, чтобы схватить старца, но тот нашел укрытие в Ильино на Ирюме.

Спустя десяток лет власти выследили ирюмский раскольниковый скит и заточили Авраамия в Тобольске. Однако в столице Сибири было немало друзей раскола. Вскоре дерзкий старец сбежал из подвалов тобольского Знаменского монастыря и отправился доживать свой век на

новую родину – Ирюм. После смерти благочестивого старца с почестями похоронили на Бахметских болотах, в месте, названном в его честь. С тех пор Авраамиев остров превратился в святое место для староверов.

Когда архиепископ нижегородский Питирим учинил разгром Керженских скитов, десятки тысяч кержаков хлынули на Урал и в Сибирь. Зауральские староверы тут же организовали собор в Кирсаново: нужно было решить, как подружиться с пришлыми кержаками и что делать с отсутствием священства – доживали свой век последние священники дониконовского рукоположения. Решили брать пример с кержаков, принимающих в раскол беглых попов господствующей церкви. Так Ирюм получил своего нового пастыря – отца Симеона. Он сменил уважаемого на Ирюме старца Тарасия, замученного до смерти в тобольских казематах. Симеон пришел с Яика и смог убедить собор в Кирсаново, что вера его крепка. Он с ревностью продолжил дело убиенного старца: крестил, исповедовал, венчал и обличал никонианскую ересь.

Немногочисленное сибирское духовенство безуспешно боролось с раскольниками – на бескрайних просторах за Уралом у них не было ни сил, ни большого рвения собирать в никонианство свою крестьянскую паству. Тобольск, Тюмень, Верхотурье скрепя сердце приняли новые обряды Никона. Однако крестьянское большинство Зауралья упрямо держалось старой веры. Раскольничьи деревни росли по Исети, Ирюму и Мостовке, как грибы после дождя. В непроходимых ирюмских лесах находили покой и поддержку десятки бродячих старцев, проповедующих о воцарении Антихриста.

Родина Демьяна – Дворцы – началась как пашенная заимка все той же Троицкой обители на Великой Оби. Монахи отдали землю в обработку крестьянам и поставили здесь свои скотные дворы, которые в народе назывались просто – дворцами – отсюда и пошло звучное название. Иноков ничуть не смущало, что на них работают раскольники – главное, чтоб дело делали – а на работу староверы были заядлы.

Демьян был младшим братом в семье, но самым статным. Во Дворцах он считался первым красавцем, отнимая сон у местных девок и молодухек. Демьян знал себе цену и не торопился жениться. Когда он повстречал Малашу на ярмарке, то скоро выяснил, что она уже сосватана за тюменского купца. Что ж, рассудил Демьян, чем он хуже городского купчишки? Чего тут было больше – любви или гордыни – того не знал и сам жених.

Свадьбы на Ирюме играли по старому чину – строго между Рождеством и Крещением. В другую пору замуж выскакивали только пересидки, не ценившие ни чести, ни закона. Свадебный сезон был тяжелым временем для отца Симеона – единственного беглого попа на всю округу. Во Дворцах его ждали со дня на день и Демьян понимал, что нужно действовать быстро. Спустя день после побега Малаши он встал ни свет, ни заря, бегло поклонился образам и выскочил во двор. Стоял жгучий предутренний мороз, когда за две версты слышно, как хрустит снег под валенком ходока. Демьян запряг коня и выскочил в темноту январской улицы – он направлялся в Ильино, чтобы замириться с отцом Малаши.

В то утро дед Макар лежал на печи и стеклянными глазами смотрел в потолок. Он не спал уже вторую ночь и забросил всю работу по хозяйству – им занимались жена и дети. Он ворошил в памяти события своей длинной жизни, которую прожил ровно, без дури и лиходейства. Макар никак не мог взять в толк, почему любимая дочь вдруг предала его. Малаша всегда была его отдушиной, всегда наполняла его стремлением жить и работать на износ, а когда повзрослела – то стала единственным смыслом жизни. Малаша оказалась поздним первенцем в семье Макара – до сорока лет Бог не посылал им с женой детей. Вместе с долгожданным чадом в семью пришел достаток, удача в делах и другие дети. Старик считал красавицу-дочь божией наградой за праведную жизнь. Он верил, что не ему, а самому Господу было угодно сделать Малашу богатой купчихой. Так горько Макар не ошибался никогда. Господь страшно

поглумился над ним, сделав седого старика посмешищем всей округи. Макар безропотно смирился со своим позором, увидев в этом промысел Божий. Прежнего Макара, самого крепкого хозяина на деревне и отца первой красавицы Ирюма, больше нет. Отныне он просто дряхлый старик на печи, не сумевший распорядиться своим счастьем.

Демьян въехал в Ильино, когда деревня уже проснулась. Конь медленно вышагивал под ним и опасливо озирался по сторонам – должно быть, помнил, как давеча участвовал в воровстве. Демьян подъехал к знакомому дому Макара и привязал лошадь к могучим воротам, створки которых были забраны в ёлочку. Окно, через которое сиганула Малаша, закрыли ставнями. Татарин забрался в конуру и жалобно скулил – хозяин так обозлился на него, что даже не стал наказывать. Демьян настойчиво забарабанил по воротам, но к нему никто не выходил. Ухмыльнувшись, он отворил незапертые ворота и вошел на ограду. Жизнь словно остановилась в хозяйстве Макара: коровы угрюмо топтались в пригоне, лениво пережевывая сено; по двору бродила усатая кошка, вынюхивая, чем поживиться; за ночь намело с вершок снега – его никто не торопился убирать. Демьян недовольно осмотрел хозяйский двор, снял шапку, взошел на высокое крыльцо и отворил дверь в избу.

В доме пахло кислыми щами, свечным огарком и холодом. Демьян затворил дверь и не сразу заметил, что напротив него, возле русской печки, сидела сутулая женщина, повязанная белым платком. Демьян поклонился образам, перекрестился и обратился к Агафье:

–

Мир дому сему!

Не услышав ответа Демьян ничуть не смутился и спросил:

–

Где хозяин, мать?

Женщина тяжело вздохнула и кивнула головой в сторону печной лежанки. Демьян, не снимая валенок, подошел к печи и отдернул занавеску. Среди разбросанных по кирпичам сапог, осинової щепы и кучи лохмотьев лежал дед Макар, седой и угрюмый. Демьян нахмурил лоб и поприветствовал старика гулким басом:

–

Здорово, отец!

–

Пошто пришел? – не сразу отозвалась куча. – Али не все забрал у стариков? За меньшей вернулся? Гарем хочешь устроить, бусурман?

–

Мне чужого не надобно, – смиренно ответил Демьян – Я только свое беру.

–

Бог тебе судья, молодчик. Но знай – благословения моего тебе не видать, как Эдемского саду.

Демьян широко улыбнулся, оголив частокол белоснежных зубов.

–

Давай слезай, дед Макар, – промолвил он – Встречай гостя по-христианскому обычаю.

–

Какой ты мне гость? – возмутился старик и вскочил на четвереньки – Ты вымесок волчий, паскудник бесстыжий, воруга проклятушая! Как посмел в избу мою прийти и говорить со мной?

–

Ну-ну, будет, – развел руками Демьян, – Я на слова незлобив, да и ты знай меру. Пришел тебя на свадьбу звать, а не собачиться. Богатый калым положу за Малашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.